

ОБРАЗ МАТЕРИ В ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЮВАНА ШЕСТАЛОВА

*Работа представлена кафедрой литературы и методики ее преподавания
ИИС РГПУ им. А.И.Герцена.*

Научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор Г. Н. Ионин.

Образ матери входит в произведения Ювана Шесталова на начальном этапе творчества. Основной предпосылкой является мотив одиночества, вызванный потерей самого любимого человека – матери. Чувство одиночества, сформированное у поэта в раннем детстве, сначала проявляется в неосознанном, инстинктивном обращении к небу, пространству, пустоте. Затем на генетическом уровне Шесталов осознает связь души умершего со всем окружающим миром, и на современном этапе творчества душа матери у поэта наделяется космическим сознанием.

The mother's image appears in works of Juvan Shestalov on the initial stage of his creative works. The main premise is the motive of loneliness which is caused by the loss of the most beloved man – his mother. The poet's feeling of loneliness, formed in early childhood, at first appears in his instinctive address to the

heaven, space, emptiness. Then on the genetic level Shestalov realizes the bond of the deceased's spirit with a whole surrounding world. And on the modern stage of the poet's creative works the mother's spirit is endowed by cosmic consciousness.

Из повестей «Синий ветер каслания» (1964), «Когда качало меня солнце» (1972), «Сначала была сказка» (1984) мы узнаем, что Юван Шесталов остался без матери в восьмилетнем возрасте. Вечная разлука внесла в сердце поэта не только боль и слезы: она оставила воспоминания, озаренные радостью и светом. Одним из ключевых слов, отображающим его сыновнюю любовь, является слово «солнце»: «Она вставала с солнцем. Радовалась солнцу. Была моим солнцем! Хорошо, когда солнце!», она была «первым солнышком в жизни», с нее «начиналась земля»¹. С солнцем у писателя ассоциируются доброта и забота, свет и тепло, святость и чистота, т. е. все качества материнского образа. Образ матери тесно взаимосвязан с мотивом одиночества. Их эволюция прослеживается в преодолении пространственно-временного расстояния от ностальгии «по детству, которое было наполнено живыми рассказами, песнями, материнской лаской и теплотой бабушки с дедушкой» до надежды «на возвращение к родному очагу»².

Образ матери входит в произведения Ювана Шесталова на начальном этапе творчества. В первом сборнике «Макем ат» (1958) стихотворения о матери – «Обь» (1955) и «Звезды на снегу блистают...» (1955) несут в себе радостное детское мироощущение, беззаботность, защищенность, они наполнены веселостью, движением, счастьем. Образ матери пока лишен личностных качеств – он ассоциируется лишь с впечатлениями детства.

Сосен мерзлый звон над нами
Слышится в тиши,
Стынут в теплой снежной яме
Три живых Души.
Три души на белом свете:
Мама, я и пес.
Нам уснуть в попутной яме
Не дает мороз³.

Во втором сборнике «Пойте, мои звезды» (1959) стихотворение «Человек родился» (1956) также посвящено материнской «нежности, радости, печали». Мать, в «снежное ненастье» в муках родившая сына, ищет ответы на волнующий ее вопрос: что такое счастье? Счастье для нее в сыне, который бы в падениях и во взлетах, в радости и печали смог найти свой предначертанный путь «среди ночи».

В стихотворении-воспоминании «Мать» (1956) у Шесталова впервые зазвучал мотив одиночества, раскрывающий обнаженную душу поэта:

Мать... Взгляд твой помню нежный,
Треск лучины в тишине.
Вихрь в пыли купался снежный –
Ты тепло дарила мне.
Но нагрязнуло несчастье,
Омрачился неба взор.
Где ты, синь? Кругом ненастье:
Мать ушла в дремучий бор...
Я, как лист на голой ветке,
Мерз под ветром ледяным.
Дождь колол, осенний, редкий,
Снег летел, я стыл под ним⁴.

Поэт открыто говорит о своих сиротских чувствах. Его одиночество символизируют холод, ненастье, поздняя осень, «лист на голой ветке».

Продолжение данного мотива становится устойчивым в дальнейших произведениях поэта. В «Языческой поэме» (1971) стихи первой песни: «Спит в земле моя мать...», «Ты – глаза мои и сердце», «Едва на свет рождается...», «Помню слово матери» – наполнены чувством сыновней любви, несут в себе печаль. Сердце сына, оставшегося без матери, сравнивается с «упавшим орешком в снегу». Мотиву одиночества вновь сопутствуют холод, снег, зима. В то же время поэт, осознавая, что в его песнях много «слез горючих», в размышлениях «выводит» их на оптимистическую ноту:

Обратимся еще к одному примеру, раскрывающему языческое мировоззрение народа и истоки позднего творчества писателя. Оставшись без матери, Юван переехал в новую семью отца. Многие ему там было непонятно. Не сложились отношения с мачехой, и однажды он решил бежать из дома. До сих пор он помнит ту морозную звездную ночь, видит себя сиротливо стоящим на краю снежной пустыни, жадно вглядывающимся в бесконечное мироздание:

«– Куда идешь, пыгрись? – раздался голос с ТОРУМА, с Млечного пути. Голос напоминал голос Ась-ойки, дедушки.

– Я иду к маме.

– Мама же твоя умерла. Разве не знаешь?

– Знаю. Мне надо к маме!

Скрипнул снег под ногами. Зазвенел мороз пуше прежнего. И снова тишина. Звездная тишина на всю Вселенную. И кажется, никто не услышит, никто не поймет.

– Ну, иди, иди! – заговорило снова Небо. – Но выдержишь ли ты испытания?..»¹²

Безмолвное холодное небо «заговорило» с мальчиком. Он не испугался, он как будто ожидал этого. Так внутренний диалог с окружающим миром, с ночным мирозданием, свойственный взрослым представителям народа, автор выносит во вне, в пространство. Надевая голосом Ась-ойки небо, Шесталов подчеркивает святость и его образа.

Одинок стоящий на краю снежной пустыни герой-автор и «заговорившее» ночное мироздание раскрывают некую взаимосвязь, взаимопонимание Человека и Вселенной. Развитие данной темы мы будем наблюдать в позднем творчестве писателя.

Отметим еще одну предпосылку последующих этапов творчества Шесталова, сформированную детскими воспоминаниями, – вопросы осмысления человеческого предназначения. Известно, что писатель на протяжении всего созидательного пути ставит перед собой вопросы. Ставит для того, чтобы в кропотливых поисках находить на

них ответы. Как показывает настоящее исследование, постановка вопросов осмысления человеческого предназначения берет свое начало в горечи и раскаянии поэта перед святым образом матери: «О, почему я не подошел к ней, моей родной и вечной? О, если бы не стояли у дверей люди в белых халатах! О, если бы я был не так мал и глуп!

Она не позвала меня, не простила. Она заставила меня всю жизнь вздрагивать. Вспомню – вздрогну. Сердце съжигается. Скорчишься как от стыда, как от боли. Вечный стыд за мою холодность, за мою недогадливость.

А может, она нарочно оставила во мне этого беспокойного духа?

Может, она нарочно не простила со мной, чтобы я всю жизнь чувствовал, что я в долгу перед людьми, как перед матерью?»¹³

В каждом из поставленных вопросов звучит мотив покаяния, чувства поэта обращены ко всему народу.

В художественной публицистике образ матери Шесталов раскрывает редкими ностальгическими воспоминаниями. В книге «Сибирское ускорение» он пишет: «Руки матери давно я позабыл, нежную и теплую как пух гусиный, руку. Сердце свое давно я в ветер бросил, давно оно как среди деревьев бьется. О, кажется, оно одеревенело, и кажется, оно оглохло, онемело и никогда уже не услышит ласку и не поведает о чьей-то маме сказку»¹⁴. В сборнике «Северное притяжение» мы находим такие слова: «Я помню добрый взгляд моей матери. Но не помню ее слез. Был я еще небольшой, когда она ушла в мир иной»¹⁵. По прошествии долгих лет память стирает многие моменты жизни. Шесталов-публицист – человек зрелых лет. Он опечален своей возрастной «забывчивостью», «одеревенелостью» сердца мешает ему творить новые произведения, в которых бы образ матери был одним из главных.

В более поздних произведениях, раскрывающих тему космического и планетарного сознания, образу матери также посвящены отдельные воспоминания. Писатель уме-

ло и вдумчиво выходит на неожиданные откровения. Так, в одном из «откровений» он выстраивает стройную цепочку перехода Души матери в новое состояние – в состояние Торума: «Мама лежала в лодке посреди нашего дома. Лодку-гроб смастерили умельцы нашей деревни. Люди всей деревни обрезали волосы и клали в лодку моей мамы. Лодка моей мамы должна будет плыть между льдами холодного океана, чтобы достичь высокого огня Северного сияния. И когда кончится живая вода живой жизни и душу мамы окутают мрак и холод, тогда-то и понадобятся волосы родственников и всех, кто захотел помочь душе мамы достичь “священного места перехода в Торум” – в Божье Царство. Складывая один волосок к другому, душа умершего пробирается сквозь ледяной мрак к Полюсу Возрождения. <...> Полюс Нового Рождения – Северный полюс, сжигая в цветных огнях брэнное тело, “выводит Душу” в новое состояние – в состояние Торума – сознание природы, космическое сознание»¹⁶. Шесталов, как носитель самобытной культуры, правдиво описывает обычаи и верования народа, связанные с обрядом погребения. Действительно, волосы родственников, якобы связываемые между собой, служат умершему неким мостом для достижения «рая» – вечно зеленого мыса, омываемого живой водой. Как видим, на каждом последующем этапе творчества Шесталов вводит в произведения все новые и «углубленные» представления о культуре своего народа. Если в первых его произведениях была больше представлена традиционная среда обитания народа, то сейчас акцент делается на его религиозные и философские воззрения.

Образ матери помогает писателю созидать. Одно из его озарений звучит так: «С тех пор моя мама продолжает жить в моем сознании. Приходит, уходит, говорит, советует, указывает на Север. Во сне приходит. Я же не хочу слушать, заливаюсь слезами, упрекаю, что “бросила среди чужих, холодных”. Но однажды задумываюсь:

Почему магнитная стрелка
гнется к Северному полюсу?
Почему отважные
рвутся к Северному полюсу?
И прихожу к ОТКРОВЕНИЮ:
На Полюсе Высокого Горения,
Высоко сияние
Высокого духа
Нового рождения»¹⁷.

Строки, посвященные матери, становятся у поэта опорными для рождения новых строк. Им приводятся целые стихотворения или отдельные строки из предыдущих произведений, затем Шесталов-филолог и философ начинает размышлять:

«Один.
Единица.
Колесница слухов,
Магия звуков.
Один – по-русски.
Эдь – по-венгерски.
Ит – по-хантыйски.
Ит.
Эдь.
Один.
Адам.
Отец.
Един
Бог-творец»¹⁸.

В целом образ матери на современном этапе у Шесталова призван подвести читателя к осмыслению темы космического и планетарного сознания. Как художник слова в творческом озарении он «душу» матери наделяет новым состоянием – состоянием Торума. Озарение, как отмечает В. Костецкий, «независимо от характера решаемых проблем, есть момент истины, и именно в этот момент сознание “космично”, оно не принадлежит ни автору, ни обществу, ни любому “носителю” сознания»¹⁹. Наделяя душу матери космическим сознанием, в своем озарении Шесталов способен общаться с ней, и тогда он не чувствует себя одиноким ни в творческом искании, ни в жизни. Космическое сознание служит связующей нитью между матерью и сыном. Также многие строки, посвя-

щенные матери, становятся у поэта опорными для рождения новых строк.

Обобщая исследование, отметим, что среди многообразия всех женских образов, образ матери возведен Шесталовым на вершину ценностей. Он является наиболее трогательным и грустным, нежным и сердечным. Обращение к образу связано у поэта с детскими воспоминаниями. Сначала его лирические переживания выливаются в произведения, в которых воссоздаются радостные картины детства, затем его воспоминания о материнской нежности, тепле родного очага затмеваются горечью утраты. Устойчивым в творчестве становится мотив одиночества. В 1962–1972 годах, в период творческого подъема, писатель неустанно, ярко и вдохновенно рассказывает о своем народе, художественно осмысливает его неповторимость. Представление идет через образ лирического героя, который, потеряв самого близкого и любимого чело-

века, мучается, страдает и находит спасение в самом себе, в своих озарениях. Он, как истинный язычник, обожествляет, одухотворяет образ матери, наделяет окружающий мир ее присутствием. «Границы» присутственности образа матери от произведения к произведению расширяются, от «земного», природного пространства они возносятся к бесконечным далям Вселенной.

На современном этапе творчества образ матери представлен у Шесталова грустными, ностальгическими воспоминаниями взрослого мужчины. И это мы связываем не только с тем, что писатель желает подвести читателя к осмыслению темы космического и планетарного сознания, но и с тем, что он очень одинок. Образ матери необходим ему для общения, и тогда писатель не чувствует себя одиноким ни в творческом искании, ни в жизни. Космическое сознание служит связующей нитью между матерью и сыном.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шесталов Юван. Собрание сочинений. СПб.; Х-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 4. С. 57.

² Каталин Надь. Заметка ко дню рождения // Юван Шесталов. Собрание сочинений. СПб.; Ханты-Мансийск, 1997. Т. 2. С. 513.

³ Шесталов Юван. Собрание сочинений. СПб.; Х-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 1. С. 36.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ Там же. С. 80.

⁷ Шесталов Юван. Собрание сочинений. СПб.; Х-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 4. С. 243.

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Там же. С. 105.

¹⁰ Там же. С. 177.

¹¹ Там же. С. 179.

¹² Шесталов Юван. Собрание сочинений. СПб.; Х-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 5. С. 286.

¹³ Шесталов Ю. Н. Сибирское ускорения. М., 1982. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 38.

¹⁵ Шесталов Юван. Собрание сочинений. СПб.; Х-Мансийск: Фонд космического сознания, 1997. Т. 5. С. 318.

¹⁶ Шесталов Ю. Н. Космическое видение мира на грани тысячелетий. СПб.; Х-Мансийск, 2002. С. 66.

¹⁷ Там же. С. 76.

¹⁸ Там же. С. 66.

¹⁹ Костецкий В. Состояние космического сознания / Космическое видение мира на грани тысячелетий. СПб.; Х-Мансийск, 2002. С. 111.